

2. Крупенникова Л.Ш. Виртуальная личность: net-мышление, сетевой психотип и Интернет-фобии / Л.Ш. Крупенникова, В.И. Курбатова // ИВД. – 2014. – №3 – С. 65.

3. Шеметова Т.Н. Клиповое интернет-сознание как тип пралогического мышления / Т.Н. Шеметова // Вестник ННГУ, 2013. – №4-2. – С. 254-259.

Н. И. САЗОНОВА

*доктор философских наук, кандидат исторических наук
доцент, профессор,
Томский государственный педагогический университет,
Россия, Томск
nataly-sib@mail.ru*

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СЛОВА И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ ОТЧУЖДЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема визуализации слова в связи с проблемой формирования отчуждения в культуре. Отмечается, что возникновение письменности является первым шагом к визуализации слова, что приводит к отчуждению слова от адресата и оказывает определяющее влияние на все сферы культуры, включая невербальные.

Ключевые слова: визуализация, устный дискурс, письменный дискурс, отчуждение

Современные ученые все чаще обращаются к визуальным феноменам как объектам исследования в различных их аспектах, что, по мнению многих авторов, связано с нарастающей ролью визуальных элементов в современной культуре и даже с переходом «в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному» [4, с. 134]. Рост роли визуальной составляющей культуры осознается и на уровне обыденного сознания, причем зачастую под визуализацией понимается постепенное снижение культурной роли словесного (рукописного, печатного) текста или «книжности» и переход к текстам невербальным. Указанное понимание основано на видении словесного текста как системообразующей составляющей культуры, определяющей ее целостность и единство [2, с. 254]. Несколько реже обращается внимание на тот факт, что словесный текст бытует не только в письменной, «книжной» форме, но и в устной, и именно устная форма текста является исторически первой, тогда как текст записанный является первой формой визуализации слова.

В 70-е гг. XX в. благодаря работам У. Чейфа [7] были сформулированы различия устного и письменного дискурсов, к числу которых относятся и особенности порождения текста (скорость письма ниже скорости устной речи), и своеобразие его понимания (в устном дискурсе порождение и понимание происходят одновременно, в письменном – процесс понимания завершается по прочтении текста), наконец, различные отношения между адресантом и адресатом (при устном дискурсе необходим их контакт, при письменном – между адресантом и адресатом существует расстояние, пространственное и/или временное) [7]. Именно в силу этого расстояния, как пишет М. Маклюэн, в письменном дискурсе происходит своего рода отчуждение слова от человека, когда слова «почти полностью утрачивают элемент личной обращенности, так как слышимое слово обычно направлено на тебя, в то время как видимое слово этого лишено и может быть прочитано так или иначе, по желанию... Таким образом, слова, становясь видимыми, присоединяются к миру индифферентному по отношению к зрителю» [3, с. 29–30].

Росту значения письменного слова может способствовать центральная роль в культуре того или иного письменного текста сакрального характера (Библия, Коран), что сразу обеспечивает письменной форме языка высочайший приоритет в сравнении с устной речью. Например, элементы ушедшего язычества после Крещения Руси (сказки, загадки, считалки), бытовали практически исключительно в устной форме, и не могли быть записаны, так как язык письменности, церковно-славянский, являлся сакральным языком христианского богослужения. Вместе в тем, определенное время в культуре в таком случае продолжают сохраняться и элементы культуры устного слова: так, чтение письменного текста и в Средневековой Европе, и на Руси понималось только как чтение вслух [3, с. 132], что подразумевало непосредственное участие в событиях, описываемых в тексте, их глубоко личное переживание.

В этой связи понятно своеобразие богослужебной жизни Средневековья, включавшей в себя разного рода действия, непосредственно приобщавшие верующих к событиям Священной истории. Богослужебные действия с приобщением к событиям Священной истории были характерны, например, для центра мирового христианства, Иерусалима, где богослужения предпасхальной, Страстной недели, совершались в храмах не местах Евангельских событий, среди которых были, как пишет М. Скабалланович, «церковь на Сионе, на месте дома, в котором Спаситель являлся апостолам во воскресении, церковь на Елеоне (одна над пещерою, в которой Христос обыкновенно учил апостолов и другая на месте вознесения, называвшаяся Инбомон), церковь в Гефсимании, церковь подле Вифании, и Вифлеем над пещерою Рождества Христова» [5, с. 139].

Существовали и специальные богослужебные действия, воспроизводящие конкретные евангельские события, как, например, перешедшее на Русь из Византии «Шествие на осляти», совершаемое в праздник Входа Господня в

Иерусалим. Особой масштабностью шествие отличалось в Москве: в нем участвовали патриарх и царь, причем патриарх олицетворял входящего в Иерусалим Христа. Участие в шествии множества духовенства и мирян обеспечивало актуализацию в настоящем совершившегося в прошлом события и его переживание. По принципу действия строилась и иконопись, создаваемая по законам так называемой обратной перспективы, когда сюжет иконы разворачивается не на плоскости, а между плоскостью иконы и зрителем, что, как и в рамках действия, обеспечивает непосредственный контакт изображения на иконе и человека, который является не «зрителем», а, как и в случае действия, участником событий [1].

Подчеркнем, что и иконопись, и богослужебные действия существовали в рамках культуры, в которой уже был декларирован приоритет письменного текста перед устным, его ведущая роль. В XVII в. в России, и, видимо, несколько ранее – в Византии, эта роль начала оказывать свое определяющее влияние, что наиболее заметно на примере иконописи, куда проникает прямая перспектива, получающая даже идеологическое обоснование: придворный «изуграф» Симон Ушаков вводит в иконопись принцип «зеркального» отражения действительности, соответствующего светской живописи и отчуждающего изображение от зрителя: «Всякое сущее зрение чювствия подлежащее тайную и предивную тоя хитрости иметь силу; всякая бо вещь аще представится зеркалу, а в нем свой образ напишет дивным Божия премудрости устройением. Оле чудесе, кроме чудесе образ пречюдный бывает, иже движущуся человеку движется, стоящу стоит, смеющуся смеется, плачущу плачет и что-либо ино деющу деет, всячески жив является, аще ни телесе, ниже души иметь человеческия?» [6, с. 54]. Таким образом, иконопись, по мнению Ушакова, должна быть аналогична светской живописи.

К концу XVII в. из практики уходят и богослужебные действия, смысл которых, связанный с переживанием событий Священной истории, постепенно утрачивается. Таким образом, приоритет письменного текста медленно, но верно ведет культуру к отходу от принципов со-участия, со-переживания и нарастанию отчуждения, которое сопровождается в духовном кризисе, снижении роли религии и в дальнейшем – разрушению целостности культуры и внутреннему ее кризису.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лидов А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / А.М. Лидов. – М.: Феория, 2009. – 362 с.
2. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992). – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – С. 151-276.
3. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.

4. Савчук В.В. Иконический поворот / В.В. Савчук // Философские науки. – 2010. – № 5. – С. 134-139.

5. Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона. С историческим введением / М. Скабалланович. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. – 678 с.

6. Ушаков С. Слово к люботщательному иконного писания / С. Ушаков // Мастера искусства об искусстве. – М., 1969. Т. 6. – С. 52-58.

7. Чейф У.Л. Значение и структура языка / пер. с англ. Изд. 3. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 424 с.

М. Я. ТОВШТЕЙН

кандидат физико-математических наук, доцент

Набережночелнинский институт

Казанского (Приволжского) федерального университета,

Россия, Набережные Челны

mark_tovst@mail.ru

РИСУНОК КАК СТЕГОКОНТЕЙНЕР В КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Стеганография наряду с криптографией представляет проблемную область, которая имеет дело, в частности, с защитой информации от несанкционированного доступа. Криптография позволяет людям обмениваться сообщениями по незащищённому каналу связи, а стеганография помогает спрятать секретное сообщение в объекте, посылаемом открыто, не вызывая подозрений. В статье рассказывается о компьютерной программе, позволяющей внедрять зашифрованный текст в цифровое изображение и извлекать его с последующим расшифровыванием.

Ключевые слова: стеганография, криптография, защита информации от несанкционированного доступа.

Позвольте сначала пояснить, что же в названии статьи обозначает слово *стегоконтейнер*. Стего – так кратко называют *стегосообщение*, которое прячут в другом сообщении – *стегоконтейнере*, или, кратко, – *контейнере*. Эти термины используются в *стеганографии* [4; 9; 2]: от греческих *steganos* – скрытый и *grapho* – пишу. Так называется наука и искусство передавать скрытые (секретные) сведения внутри других – открытых – контейнерах.

Простейший пример. Мы в детстве не раз всматривались в замысловатую картинку, пытаясь разгадать, где в ней среди хитросплетений веточек волшебных деревьев, цветочков и травы «спрятался» зайчик или ещё какой-